

Мария СПЕРАНСКАЯ

**“Не было бы счастья,
да несчастье помогло”**

Однажды, еще при социализме, меня выбрали депутатом райсовета — им нужно было несколько беспартийных. Пришла ко мне на прием женщина в слезах: всю жизнь прожила в центре, сейчас дом сносят и дают крохотную квартирку на окраине, а у нее — двое разнополых детей. Говорит, писала и звонила начальству, но все без толку, грозит с милицией выселять. Я ей посоветовал: “Как придет милиция, вы окно нараспашку, детей на руки и кричите: “Помогите, люди добрые!”

На следующий день меня вызывают “на ковер” и спрашивают: “Что за сумасшедшая орет из окна да еще всем рассказывает, что это ей артист Дуров сказал так делать?” В результате женщине выделили трехкомнатную квартиру, а у меня отобрали депутатский мандат. Но я рад, что все так закончилось.

“В семье не без урода”

Когда я после войны жил на Бауманской, рядом жила семья Беклемишевых. Они не разрешали своему сыну дружить с нашей компанией — шпаной, голубятниками, матерщинниками. Он был талантливый, чопорный мальчик, что-то изобретал, у него значки-награды горели на груди. А потом я узнал: его расстреляли за то, что он вырезал целую семью на Почтовой улице.

“Беда не приходит одна”

Это уж как правило. Хотя, к счастью, радость тоже не приходит одна. Еще бабушки наши говорили: “деньги к деньгам, говно к говну”. Если у тебя сперли кошелек с деньгами, то через десять шагов ты подвернешь ногу. А когда станут вызывать “скорую”, все телефоны вокруг окажутся сломаны. Но когда тебя все-таки привезут в больницу, там гипс кончится.

Однажды я лежал в институте Склифосовского рядом с перезабитованным главным инженером одного завода. Он кого-то распекал у себя в кабине, ударил кулаком по столу — попал по линейке, та подцепила пузырек с чернилами и отбросила его на грудь инженера — всю рубашку залило. А через час делегацию принимать. Пробовали отстирать — не выходит. Секретарша принесла ацетон, налила в тазик и опустила туда рубашку. А было это в 60-е, в моде — нейлон, и вся эта синтетика в ацетоне моментально растворилась. “Раствор” вылили в унитаз. Расстроенный инженер пошел в сортир и случайно попал в ту самую кабинку. Закурил, стрянул с окурка в толчок и... взорвался.

“Без меня меня женили”

Это вечная история. Недавно одна газета поместила маленькое интервью со мной и подписала: “Художественный руководитель Театра современной пьесы Л. Дуров”. А я там ни сном ни духом! Этот театр создал и ныне здравствует Иосиф Райхельгауз. Я скорей звоню ему и тонко остро: “Ты свой пост сдал, что ли?” Он был в курсе и ответил: “Да приходите, руководите, я не против”. А недавно к нам в театр из корейского посольства пришел в конверте журнал “Сеул”. “Художест-

САМ СЕБЕ ПОГОВОРКА

Однажды Лев Дуров глянул на часы и заявил: “Всё. Квас уехал”. Объяснил: “Эту поговорку я сам придумал. Как-то часа три собирался спуститься за квасом, все поглядывал из окна на бочку во дворе. А когда вышел с бидоном, то застал только записку на столбе: “Квас уехал”. Для меня это теперь значит: всё, времени нет”.

Мне трудно представить артиста, которому настолько подходило бы определение “народный”. Не в звании дело. Он по натуре своей, по сути, по имиджу, если хотите, — плоть от плоти народа. Поговорки, вишь, сам выдумывает. Вот и решила я поговорить с ним о поговорках в его, народного артиста, жизни.